— Работорговец!

С утра я первым делом ворвался в шатёр работорговца.

— Что нужно Герою-саме столь ранним утром? О да.

— Твоё проклятие бракованное. Отвечай осторожно, или мои ужасные раб и монстр здесь всё разнесут, ясно?

— Я голодная, так что не сейчас.

— ...Не начнёшь нормально себя вести — и сама станешь завтраком.

Печать проклятия на Фиро так и не активировалась. В довершение всего, она ещё и не сходит.

— О? О чём вы говорите?

Я рассказал работорговцу, как прошло утро. Что было потом — тихий ужас. Я чудом уговорил Фиро принять человеческий облик, и мы пришли к шатру. За Фиро отвечала Рафталия — сейчас она глаз с неё не спускала, чтобы та снова чего-нибудь не выкинула. Горе луковое.

— Судя по всему, обычной печати для королевы Филориалов недостаточно. О да.

— И что это значит?

— Обычная печать не сможет сдерживать высококлассных монстров. На драконе, который у нас приз в лотерее, стоит специальное проклятие.

— То есть на ней обычная печать не работает?

— Да.

Работорговец принялся очень возбуждённо что-то строчить в своей записной книжке.

— Так ты нанесёшь эту особую печать?

— Ох, вы понимаете, бесплатно эту услугу мы вам оказать не сможем. О да.

— Это почему ещё?

— Она недешёвая, наносить её даром — непозволительная роскошь. Мы и без этого понесли очень серьёзные убытки.

Кх! Вытянуть из него что-то большее, видимо, не выйдет. Что ж, после всего того, что тут устроила Фиро, их можно понять...

— Сколько?

— Мы возлагаем на вас большие надежды, Герой-сама, поэтому согласны серьёзно снизить цену до двухсот серебряных монет.

У-у-у... дорого.

— Не мог бы ты...

— К слову, рыночная стоимость этой услуги начинается от восьмисот серебряных монет. Как вы можете видеть, я не лгал, когда говорил, что многого от вас ожидаю.

Гх! Моей психике был причинён серьёзный урон.

Я признал поражение и со скорбью на сердце выложил две сотни серебряных работорговцу.

— ...Если это была ложь, мои свирепые подчинённые покрошат тебя на винегрет.

— Конечно же, я понимаю.

Рафталия подвела Фиро за крыло — та уже была в своей королевской форме и вертела головой по сторонам.

— Стой там и не двигайся.

— Почему-у?

— Если будешь стоять смирно, дам потом кое-что вкусненькое.

— Правда?

— Ага.

В глазах Фиро искры забегали — она направилась туда, куда указал работорговец, да там и замерла.

Отлично, если это заклинание, то лучшего момента ему не найти. Я подал знак работорговцу глазами. Он кивнул, подозвал двенадцать подчинённых, лица которых были скрыты капюшонами мантий, и приказал им окружить Фиро. Те вылили на землю какую-то жидкость и начали зачитывать заклинание. Пол засиял, и на нём с Фиро в центре образовалась магическая диаграмма.

— Э, ч-что?

Фиро задёргалась, пытаясь сопротивляться, но это не помогло, и магические письмена ввелись в её тело.

— А, а-ай! Стойте!

Чувствуя боль от обновляющегося проклятия, Фиро молотила крыльями по земле. С каждым её ударом магическая диаграмма вздрагивала.

От подчинённых работорговца послышались возгласы удивления.

— Ради безопасности я задействовал в заклинании побольше людей, и всё же... чтобы под таким давлением, да быть в состоянии двигаться — эта девочка далеко пойдёт. О да.

А ведь она только 19-го уровня. Какой же силищей она будет обладать, когда станет 70-го? Я кивнул в знак согласия.

В конечном итоге диаграмма оказалась на животе у Фиро, и в шатре повисла тишина.

— Готово. О да.

В моем Статусе появилась новая иконка монстра — с более продвинутыми настройками приказов. Недолго думая, я поставил галочку напротив пункта о непререкаемости слов.

— Ха-а... ха-а... — подошла ко мне Фиро, тяжело дыша. — Господин-сама, это было ужа-асно больно, о-очень.

По ощущениям, во время приказания моё лицо исказилось в злобной ухмылке:

— Во-первых, стань человеком.

— Э-э, не хочу-у, больно было. Дайте что-нибудь вкусненькое! — в наглом тоне проигнорировала она мои слова, и печать проклятия засияла.

— А, нет! Что, нет, нет!

Фиро послала в печать какую-то магию, но на этот раз проклятие легко отразило её, сразу активировавшись.

— Ой, а-а-а-ай, ах!

Она в агонии повалилась на пол.

— Не будешь слушаться приказов — будет ещё больнее.

— Ой, ай! У-у-у...

Фиро нехотя приняла человеческий облик. Только тогда печать наконец погасла.

— Хм... в этот раз она подействовала как надо. Хорошо сработано, работороговец.

— Эта печать сильна, вмешаться в её работу не так-то просто. О да.

Я встал напротив свернувшейся на полу Фиро и объявил:

— Ты сама вышла мне в сотню серебряных, теперь, с проклятием, ещё в двести. Итого, в общей сложности, я потерял триста серебряных монет. Ты отработаешь их, повинуйся моим приказам.

— Г-господин-сама-а...

Фиро протянула ко мне дрожащие руки.

Совестно мне говорить подобное ребёнку с таким невинным личиком. Я и сам не хочу выбрасывать эту вредину на улицу.

— Слушайся меня.

— Н-не-е-ет...

— Понятно, значит, если ни в какую не хочешь слушаться, придётся продать тебя вот этому

жуткому старику.

— ...?!

Кажется, на этот раз Фиро поняла, в каком она положении — на лице её проявился оттенок ужаса.

А лицо работаровца приняло несколько беспокойный, но всё-таки радостный вид.

— Сколько ты готов за неё заплатить?

— Дайте подумать... За такого редкого монстра я готов выложить, пожалуй, даже тридцать золотых, включая стоимость за неудобства. Действующая печать уже наложена, значит, больше буянить у неё не выйдет, и она на многое сгодится. О да.

Говорил, что покупать её он не станет, а стоило спросить, как сходу назвал цену. Не знаю, что он на самом деле собрался с ней делать, но могу предположить, что для Фиро это станет концом.

Она смотрела на меня с ужасом.

Жестоко... моя уснувшая было совесть проснулась и принялась меня грызть. Но если Фиро не изменит своё отношение, ничего другого мне не останется.

Я не какой-нибудь добрый старший брат и не балую своих питомцев.

— Вот так вот. В следующий раз, когда будешь бузить, меня рядом не будет... будешь пить много горьких-прегорьких зелий, над тобой будут ставить опыты... а в конце, наверное, умрёшь...

— Н-не-е-е-е-е-ет! — громко закричала она. — Господин-сама, не надо меня ненавидеть...

Она умоляюще прижалась к моим ногам.

Кх! Это слишком...

— Если пообещаешь, что будешь меня слушаться, я не буду тебя ненавидеть. Поэтому отныне ты должна делать то, что я тебе говорю.

— Д-да!

— Хорошо, хорошо, теперь: когда мы спим в гостинице, ни в коем случае не превращайся в птицу. Это твоё первое обещание.

— Да!

Фиро искренне улыбнулась, и остатки моей совести забурлили.

Отведя взгляд от Фиро, я увидел, что работорговец расплылся в необычайно довольной улыбке — видимо, наслаждался моими действиями.

— Просто замечательно дьявольски. У меня по позвоночнику даже холодок пробежал. Вы действительно легендарный Герой Щита!

Кажется, он хвалит меня за что-то не то... но не буду жаловаться.

— Наофуми-сама... не слишком ли это...

— Если бы я этого не сделал, она бы не стала меня слушаться. Ты ведь поначалу тоже такой была, помнишь?

Рафталия кивнула.

— Пожалуй, да, признаю.

— Есть случаи, когда эгоизм можно простить, и есть случаи, когда нельзя.

Я не стал добавлять, что эти случаи определяю я сам.

— Кнут и пряник, верно? Я понимаю. О да.

— Я не с тобой разговариваю.

И хватит понимающе поддакивать.

— Кажется, я причинил тебе немало неудобств.

— Если вы так думаете, прошу, возьмите и вырастите подготовленного для вас Филориала, чтобы был послуше...

— А теперь, у нас ещё есть на сегодня дела. Мы уходим.

— Я глубоко уважаю сильную волю Героя-самы, которая оберегает его от сетей наших интриг.
О да.

На этом мы закончили разговор и покинули шатёр.

<http://tl.rulate.ru/book/22814/3683976>